

Москва
"Мастерская П. Фоменко"

мюз. новоси-803 Фирменные «Белые ночи»

25 авт. театр

с 19.

урок ЧИСТОПИСАНИЯ

На открытии показали последнюю премьеру театра – спектакль «Белые ночи» в постановке молодого ученика Фоменко Николая Дручека, похожий на лучшие работы «Фоменко», как две капли воды.

«Сентиментальный роман» – так определил Достоевский жанр своей ранней повести – идеально вписывается в репертуар театра, где все всегда свежо, мило, трогательно и ненавязчиво, будь это Толстой, Пушкин или современный автор. Разглядывание в микроскоп мельчайших оттенков человеческих отношений и тонкая психологическая связь, сдобренная изрядной порцией юмора, – эти фирменные рецепты популярного коллектива почти в совершенстве освоил Николай Дручек и старательно повторил в своей первой самостоятельной работе. Как и все здесь, она написана акварелью. В спектакле нет ни половодья чувств, захватившего петербургского ментателя, ни загадочного города – едва ли не главного героя повести, нет и призрачных, ненадежных белых ночей – вместо волшебного света одна няжкая лампа греет обоку. Зато множество знаков: подвешенные к потолку узкие балки (мосты) и пыльные квадриумы (невская вода), белые лепные львиные головы (город) и неожиданно пестрый наряд барного чиновника, напоминающий скорее жанровые картины Федотова, чем раннюю прозу Достоевского. В углу стоят клавесин или фисгармония, аккомпанирующая сентиментальным переживаниям героев, а кресло, на котором они сидят, взывает въесь власт за их улетающими в эмпиреи сердцами. «Фоменко», склонные к чувствительности, резонно боятся патетики, поэтому то и дело посыпаются над происходящим: бабушка и пришибленная к ее юбке Настенька восседают на огромных креслах, а в их длиннощих юбках прятутся и комнаты жильца, и он сам. Поход в спору на «Севильского цирюльника» вообще решен как капустник: даже спелая бабушка спрыгивает со своего настества и азартно разыгрывает сценки с Розиной (внучка), Фигаро (ментателя) и Альмавивой (жилец). А служанки Матрена и Факла вообще персонажи фарса.

Вслед за «Школой современной пьесы» новый сезон в Москве открыла «Мастерская Петра Фоменко».

Час сорок без антракта (еще одна дань современным зрительским предпочтениям) пролетают незаметно и необременительно, и актеры, особенно исполнительницы, не обманывают ожидания поклонников: от Полины Агуревой – Настеньки глаз не оторвать, до чего она хороша, а Ирина Петрова (бабушка) снова доказывает, что она правоохраняющая характерная актриса. Труднее всех Томасу Монкусу, играющему ментателя. Ни его внешние данные, ни общая тональность постановки не говорят в пользу того, что «минуты блаженства» ему хватит на все оставшуюся жизнь, – а ведь именно на этом писал Достоевский. Но это недоразумение быстро растворяется в остроумных мизансценах, когда или Настенька вот-вот упадет в воду, или тень жильца возникнет неожиданно, словно тень отца Гамлета. Баланс лирики и иронии облюдается безупречно.

И тем не менее ловишь себя на мысли: иная работа талантливого, ни на кого не похожего тroeчника бывает куда интереснее падкости спичечника и первого ученика. Так много в «Белых ночных» от Фоменко и так мало – от Николая Дручека. Так узнаемо все в этих стенах: снова этюд, эскиз, изящный намек на некие нешуточные чувства и страсти, но, упаси боже, только не они сами. Прекрасно выученные актеры, застывшие в своем амплуа. Талантливые художники, декорирующие малое пространство со вкусом постоянных читателей дорогих глянцевых журналов по интерьеру. Зритель, который ходит сюда уже не только потому, что интересно, но и потому, что престижно.

Мудрый Фоменко не случайно сказал на сборе труппы о том, что театр переживает опасный период: «Становится модным нас любить». И призвал актеров вносить самые рискованные творческие предложения. Известная доля безумства и авантюры как воздух необходима этому, возможно, самому интеллигентному в Москве коллективу, потому что в уроках театрального чистописания ему уже нет равных.

Нина АГИШЕВА